

Марьяша Вассерман

Биография

Таллинн

Эстония

Дата интервью: сентябрь 2005

Интервьюер: Элла Левицкая

Оригинальный русский текст интервью любезно предоставлен Элой Левицкой.

Семья моего отца жила в Латвии. Был такой маленький город Фридельштадт недалеко от Риги. В царское время евреям нельзя было жить в больших городах, а Фридельштадт был в черте оседлости. Это был еврейский городок. Если евреи приезжали по делам в Ригу, они должны были управиться до ночи, потому что даже остаться на ночлег в Риге им нельзя было. А Фридельштадт был на таком расстоянии от Риги, что можно было успеть сделать свои дела и вернуться домой к ночи. Поэтому евреи предпочитали поселяться в этом городке, и составляли большую часть его населения. Я никогда не бывала в этом городке, а мои брат и сестра ездили туда, на родину наших родителей. К сожалению, я почти ничего не помню из их рассказов. Моего дедушку со стороны отца я никогда не видела. Умер он так давно, что даже мой отец не мог вспомнить ни его имени, ни даже облика. Я спрашивала его, но даже он ничего не мог рассказать о своем отце. Умер дедушка, когда отец был еще ребенком. Фамилия дедушки была Вассерман, вот и все, что я знаю о нем. Бабушку по отцовской линии звали Либе-Лея. У них было семеро детей, и мой папа был самым младшим из них. Он родился в 1884 году. Звали отца Нафталя-Херца. Отец объяснял мне, что первое имя – библейское, чтобы по этому имени вызывать в синагоге, а второе – светское, мирское имя. Я видела только одного из братьев отца. Это было очень давно, в моем детстве. Помню, что дядя жил в Риге, и однажды мы всей семьей ездили на несколько дней навестить его. Даже имени его не помню. Умер он давно, в 1930х годах. Помню, что у него было три дочери, и все они еще до дядиной смерти эмигрировали в Палестину. Одна из них умерла там вскоре после приезда, а о судьбе остальных моих кузин я ничего не знаю. Еще одна сестра отца умерла в юности. Остальные братья и сестры отца разъехались по всему миру. О них я ничего не знала. Ничего не знаю я и о детстве и юности отца. Конечно, отец получил религиозное образование. В таком городке, как Фридельштадт, иначе просто не могло быть. Он получил и какое-то светское образование. Во всяком случае, отец умел читать и писать по-русски, по-латышски и по-немецки, знал математику и бухгалтерию.

Мамина семья тоже жила в Фридельштадте. Не знаю, откуда родом были мамины родители, но обе их дочери родились уже в Фридельштадте. Дедушка Перец Гордон имел шапочную мастерскую. Сам работал шапочником, и брал учеников, которые после обучения какое-то время работали на него. Бабушка Йохе-Хинде была домашней хозяйкой. Моя мама Дайле родилась в 1887 году. Ее сестра Брайне была на 10 лет моложе мамы, и родилась в 1897 году. Я знаю, что между мамой и ее сестрой был еще брат, но он умер в детстве. Мамина семья была обычной еврейской семьей, как большинство семей Фридельштадта. Ни

дедушка, ни бабушка не были ортодоксально религиозны, но еврейские традиции чтити и соблюдали. В городке была хоральная синагога и несколько молельных домов. В Шабат и в дни еврейских праздников все еврейское население Фридельштадта отправлялось в синагогу. В будние дни молились дома. Бабушка строго выполняла кашрут. Вся посуда и столовые приборы были отдельно для молочного, отдельно для мясного. Хозяйкой бабушка была просто необыкновенной, у нее настоящий кулинарный талант был.

У них был небольшой одноэтажный домик. Рядом была дедушкина мастерская. Возле дома был небольшой участок земли, и бабушка сделала там огород, выращивала зелень к столу. В сарайчике бабушка держала птицу – кур, гусей. Хозяйство было небольшое, но и это было подспорьем.

Мои родители поженились в 1914 году. У них была традиционная еврейская свадьба, иного и быть не могло. Отец был торговцем, мама – домашней хозяйкой. За товаром для своей лавочки отец ездил в Ригу, а вечером возвращался домой. Отца очень уважали в городке, считали его умным и порядочным человеком. Отец был одним из немногих жителей Фридельштадта, которые получали еврейскую газету. Она выходила на идиш. Отец выписывал ее, и когда приходил свежий номер газеты, в дом родителей приходили жители городка почитать газету, обсудить новости. После свадьбы отец купил такой же небольшой домик, как был и у бабушки с дедушкой, и у большинства жителей Фридельштадта. По примеру бабушки мама вскопала огород, завела домашнюю птицу. Жизнь была спокойной, размеренной.

В 1914 году началась 1 мировая война. По приказу царя в 1915 году, когда немцы вступили на территорию Курляндии, всех курляндских евреев в течение суток должны были выселить вглубь России. И моим родителям, и маминой семье не хотелось уезжать в незнакомые края. Никто ведь не знал, сколько времени придется прожить вдали от родного дома. В Минске у них были какие-то дальние родственники, и они решили поехать к ним. Но в том направлении уже шли военные действия, и они не смогли проехать через линию фронта. Тогда вспомнили, что есть какая-то родня в Таллинне, семья по фамилии Гольдберг, и

поехали к ним, выбора не было. Так наша семья оказалась в Таллинне. Уже в Таллинне в 1915 году умер дедушка Перец Гордон. Его похоронили по еврейскому обряду на еврейском кладбище Таллинна. А вскоре после дедушкиной смерти в 1915 году у моих родителей родился первенец. Назвали брата Перец, в честь дедушки. Моя сестра родилась в 1919 году. Ей дали имя Соре-Рейзе. Я родилась в 1928 году. Меня назвали Марьяша.

Родители сняли квартиру в доме богатого таллиннского еврея Берковича. С нами жила папина мать Либс-Лея, мать моей мамы Йохе-Хинде и мамина младшая сестра Брайне.

Брайне была незамужней, и всю жизнь прожила в нашей семье. Бабушка Либс-Лея умерла в 1930 году. Мне тогда было 2 года, и я совершенно ее не помню. Бабушку похоронили на еврейском кладбище в Таллинне по еврейскому обряду.

Я не знаю, чем отец занимался в первые годы жизни нашей семьи в Таллинне. Знаю, что начинать ему пришлось почти с нуля. Может быть, что-то он смог вывезти из Фридельштадта, деньги или ценности, и это помогло ему на первых порах. Во всяком случае, вскоре после рождения моей сестры у отца уже был магазин «Золото, часы, хрусталь». Здание этого магазина и сейчас есть.

Магазин был в центре Таллинна, на улице Виру. Это было людное место, и покупателей было много. Теперь там большой книжный магазин, а тогда в одном здании размещались два магазина. Большую часть занимал магазин тканей, хозяином которого был Беркович, владелец дома, в котором мы снимали квартиру. Во второй части был магазин отца. В городе отец пользовался уважением, его считали честным торговцем. Конечно, это привлекало покупателей, они знали, что в отцовском магазине их не обманут. Мама тоже была постоянно занята, помогала отцу в магазине. Для детей взяли воспитательницу. Она занималась и моей сестрой, которая тогда была совсем еще крошкой, и братом, который был на 3,5 года старше сестры. Очень славная женщина была. Когда брат и сестра подросли, воспитательница ушла от нас, и вернулась после моего рождения. Она растила меня с пеленок. Моя воспитательница была эстонкой. Она была очень образованной женщиной, хорошо знала немецкий и французский языки. Была она

одинокой, и очень привязалась и ко мне, и ко всей нашей семье. Родители были очень заняты в магазине, и мало могли уделять мне внимания, и она учила меня всему. Благодаря ей, я знала немецкий и французский языки. Она пыталась учить меня и русскому языку, но почему-то русский давался мне с большим трудом. Дома родители между собой разговаривали на идиш, а с детьми – на немецком языке. Немецкий был моим родным языком, на нем я сказала свои первые слова. Эстонский я выучила как-то естественно, общаясь с детьми во дворе. Вся наша семья знала эстонский язык. Для нас было естественным, что если мы живем в Эстонии, то нужно знать язык своей страны.

Дома у нас строго соблюдали все еврейские традиции. Дома у нас всегда встречали Шабат. Готовила у нас в семье бабушка Йохе-Хинде. Прислуге она не доверяла. Бабушка была прекрасной хозяйкой, умела и любила готовить. Она была настоящей властительницей на кухне. В пятницу с утра бабушка готовила еду на два дня. Она даже субботние халы пекла сама, хотя в Таллинне была еврейская пекарня, где продавались халы. Вечером собиралась вся семья. Бабушка зажигала свечи, молилась над свечами. Потом мы все садились к столу. В детстве я очень плохо ела, но бабушка умела приготовить и подать все блюда так, что даже меня не приходилось уговаривать поесть. В субботу никакими домашними делами не занимались. Отмечали дома все еврейские праздники. В праздники вся семья шла в синагогу. Помню, тогда была синагога на улице Макри, недалеко от нашего дома. После войны ее уже не было. Синагога была хоральная, двухэтажная. Мама, сестра, бабушка и тетя Брайне сидели наверху, где были только женщины. Я была еще маленькой, поэтому я всегда

сидела внизу с отцом и братом. Самым любимым праздником для меня был Песах. Готовиться к празднику начинали заранее, и каждый день приносил что-то интересное. Вино для Песах бабушка делала сама. У нас в квартире было печное отопление. Когда уже не топили, в теплое время года, я помню, бутылки с вином бабушка хранила в печке. Вино делали из изюма, оно было сладкое, очень вкусное. Мацу к Песах покупали у Гиновкера. Это была кондитерская фирма, хозяином которой был еврей Гиновкер. Моя тетя Брайне работала на кондитерской фабрике Гиновкера. В их кондитерской были очень вкусные пирожные, конфеты. А перед Песах пекарня Гиновкера переходила на выпечку мацы. Маца была и обычная, из муки с водой, и яичная. Яичная была очень вкусная, хрустящая и нежная. Конечно, все было только кошерное. После большой уборки отец обходил все комнаты и кухню. Специально раскладывали в определенных местах кусочки хлеба. Отец сметал их гусиным крылом в деревянную ложку. Потом эту ложку обматывали тряпочкой и сжигали в печи. Это был такой пасхальный ритуал. После этого, когда дом уже был очищен от хумеца, вынимали пасхальную посуду. Я очень любила эту подготовку к празднику, и каждый год для меня это было событие. Конечно, и в обычные дни мы пользовались только кошерной посудой, за этим строго следила бабушка. А пасхальная посуда была совсем особенной, красивой. Когда ее доставали из упаковки, у меня сразу появлялось ощущение праздника. Бабушка всегда готовила очень вкусные еврейские блюда. К сожалению, я не знаю их рецептов и не могу приготовить сама. Бабушка делала айнгемахтс – нарезанную редьку вымачивали в меду, а потом варили. Это было невероятно вкусно. Из чернослива бабушка вынимала косточки, и вкладывала вместо них зернышки миндаля. И потом этот чернослив тоже нужно было варить в меду. Конечно, была и фаршированная рыба, и куриный бульон, все традиционные блюда еврейской кухни. Но мне больше запомнились сладости. Вечером отец всегда проводил первый пасхальный седер. Все было по правилам, как полагается на седер. В центре стола стоял большой бокал с вином для пророка Элиягу. Каждый из нас должен был в течение седера выпить 4 бокала вина. Мне тоже давали вино, правда, мой бокал был очень маленьким. На следующий вечер тоже был седер, но второй седер было не обязательно проводить дома. Иногда на второй седер мы шли в гости к нашим родственникам, семье Гольдберг. Это была та родня, из-за которых родители и выбрали Таллинн, и наши семьи были очень дружны. Иногда на второй седер Гольдберги приходили к нам домой. А первый седер обязательно проводили только дома, и только среди своей семьи. В праздник Рош-Ашана вся семья шла в синагогу. А потом был Йом-Кипур, Судный день. Взрослые в Йом-Кипур постились целые сутки, как полагается. Я была ребенком тогда, и мне поститься не нужно было. В день праздника все уходило на целый день в синагогу. Молитва длилась до появления первой вечерней звезды. В праздничные дни магазин отца был закрыт. Еще помню праздник Симхесторе. Это был очень веселый праздник. Дети держали в руках яблоки, в которые были воткнуты флажки. В синагоге детям в этот день давали сладости, это запомнилось. Еще праздник Симхесторе запомнился потому, что в этот праздник был мамин день рождения. К нам приходили гости, весело было. Все друзья родителей были евреями. Старались держаться вместе. Кроме семьи наших родственников Гольдбергов, родители общались с семьей Гиновкер, хозяевами кондитерской фабрики, поддерживали отношения с семьей Беркович, было еще несколько еврейских семей, фамилий которых я уже не помню. В общем, к нам в гости приходили только евреи.

Эстонские государственные праздники в нашей семье не было принято отмечать. Конечно, все положенное делали, вывешивали на балконе государственный флаг Эстонии. Но не праздновали так, как всегда праздновали еврейские праздники.

Все мы учились в еврейской гимназии на улице Кару. Теперь в здании нашей гимназии расположилась еврейская община Эстонии. А тогда в нем было две частных еврейских гимназии. В одной из них, где учились мы все, языком преподавания был иврит, во второй – идиш. Мой брат Перец был самым старшим из нас. Когда он начинал учиться в этой

гимназии, некоторые предметы там преподавали на русском языке, а когда туда поступила моя сестра, там уже было преподавание только на иврите. Дома у нас на иврите не разговаривали. Поэтому за год перед гимназией меня отдали в детский садик, в котором детей готовили к гимназии, учили ивриту. У нас была замечательная воспитательница Анна Клас, дочь хазана таллиннской синагоги Гуревича. Потом она стала знаменитой пианисткой. Ее сын Эри Клас – дирижер таллиннского симфонического оркестра. Анна преподавала нам не только музыку, от нее мы получили наши первые знания в иврите. Дети же очень быстро все воспринимают, и после детского сада мы уже были готовы к изучению всех гимназических предметов на иврите. В садике мы были с утра до обеда. Наверное, он мало отличался от теперешних детских садов. Мы играли в разные игры, учились петь, рисовать, ходили на прогулки. Многие из детей, с которыми я подружилась в садике, учились потом в моем классе в гимназии. Все мои друзья детства были евреями. В основном это были мои школьные друзья, были и дети друзей моих родителей.

В школе мы все вступали в детские сионистские организации. Были Маккаби, Хашомер, Бетар. Моя старшая сестра, а потом и я вступили в Маккаби. Там много внимания уделяли занятиям спортом, и были хорошие спортивные залы, секции. В каждой секции было несколько групп, по возрастам. Помню, когда я ходила на тренировки в Маккаби, там занималась группа, где были почти взрослые, очень красивые девушки. В Маккаби был и будущий муж моей сестры Изи Гольдман. Он был прекрасным спортсменом, членом сборной команды Маккаби.

Все еврейские праздники в гимназии всегда отмечали очень интересно. В праздники занятий у нас не было, но ученики и их родители собирались на праздник. Мы все готовили концертную программу, а зрителями были наши родители. Мы пели, танцевали, разыгрывали спектакли. Наши мамы готовили к школьному празднику всякие лакомства, ими угощали детей в школьной столовой. На таких праздниках устраивали благотворительные лотереи, аукционы. Обучение в гимназии было платным. Но принимали и детей из бедных семей, которые не могли платить за обучение. За них платила еврейская община, часть денег собирали на таких благотворительных мероприятиях.

В нашей семье всегда отмечали дни рождения всех членов семьи. На мой день рождения приглашали всех моих друзей. Моя сестра, которая была на 9 лет старше меня, всегда устраивала нам очень веселые праздники. Всегда было интересно. Она затевала игры, спектакли, и всем было очень весело.

Лето мы всегда проводили на даче в живописном пригороде Таллинна Пирита. Там чудесный морской берег с белым чистым песком, и прямо к берегу подходит густой сосновый лес. Снимали дачу у хозяев, и жили там все лето. Родители не могли оставить магазин, поэтому они жили в Таллинне и приезжали к нам по выходным. А я с сестрой, бабушка и тетя Брайне жили там все время. Для меня, городского ребенка Пирита была удивительным местом, где можно, гуляя по лесу, встретить настоящую корову, или в собственном дворе покормить кур. Мы проводили время на пляже, в лесу. Даже сейчас, когда я приезжаю в Пирита, меня охватывает радость, я словно возвращаюсь в детство.

После окончания гимназии мой старший брат поступил в Тартуский университет на факультет экономики. В Тарту брат был членом студенческой сионистской организации Хасмонеа. Сестра после окончания учебы поступила в Таллинне в художественный институт. К нам домой часто приходили новые друзья моей сестры, с которыми она познакомилась в институте. Тогда уже среди ее друзей были не только евреи, но и эстонцы.

В 1938 году отец смог осуществить свою давнюю мечту, обзавестись собственным жильем. Он купил половину 2-этажного дома. На каждом этаже была одна 5 комнатная квартира. На первом этаже тоже жила еврейская семья, а наша квартира была на втором этаже.

Мы все знали, что в 1933 году к власти в Германии пришли фашисты. Наверное, родители обсуждали это между собой. Но мне кажется, что особых тревог ни у кого из эстонских евреев это событие не вызвало. Я думаю так потому, что многие из тех, кто был депортирован советской властью в 1941 году и отправлен в ссылку, говорили потом, что если бы не депортация, они бы во время войны безусловно остались в Эстонии. И это правда, потому что многие евреи не захотели эвакуироваться, и погибли в фашистских концлагерях и при массовых расстрелах мирного населения.

Когда в 1939 году в Эстонии стали создавать советские военные базы, это прошло мимо меня. Наверное, и мои родители не волновались из-за этого, потому что я бы почувствовала их тревогу, даже если бы при мне они не разговаривали об этом. Шла обычная жизнь, и военные базы существовали вне нашей жизни. А в 1940 году, когда Эстония стала советской, мы все почувствовали это. Наша еврейская гимназия перестала существовать.

Вернее, она осталась, но была уже обычной школой. В наш последний учебный год языком преподавания стал идиш, иврит был запрещен. Я тогда училась в 6 классе. Всем классом нас приняли в пионеры. Это было даже интересно, как новая игра. Для нас это не было окрашено политикой, воспринимали просто как какой-то новый клуб, новую детскую организацию типа Бетар или Хашомер. Были какие-то пионерские мероприятия, ходили на экскурсии. В общем, весело было, и мы не восприняли это как начало перемен в нашей жизни.

Мой брат, который тогда учился в тартуском университете, вернулся домой. Он оставил учебу и приехал помогать отцу в магазине, работал бухгалтером. Правда, продлилось это недолго. Советская власть принялась за национализацию предприятий, которые находились в частной собственности. Был национализирован и магазин отца. Национализация проходила так: вначале назначали советского комиссара, который постоянно находился в магазине, присматривался ко всему, вникал в дела. А потом приходил день, когда нужно было просто отдать этому комиссару ключи от магазина, от сейфа, передать всю документацию – и все. Хозяина выставляли на улицу. Конечно, ни о какой денежной

компенсации и речи не было. Пришел такой день и для моего отца. Впервые в жизни я увидела отца плачущим, и это было для меня очень страшно. Помню, я залезла к нему на колени, пыталась утешить. А вскоре мне во второй раз пришлось увидеть слезы моего отца. Хотя магазин отца был реквизирован, на него почему-то наложили очень большую сумму платежей. Денег, чтобы оплатить этот налог, у отца не хватало. Вначале пришли какие-то люди и сделали опись нашего имущества, а потом все это стали вывозить из дома. Тогда мне снова пришлось увидеть плачущего отца. Отец очень любил антикварные вещи, серебряную утварь и украшения. Всю жизнь он все это собирал по крупицам, говорил, что все это будет напоминать потом о нем детям. Все это забрали, забрали ценную мебель. Оставили самое необходимое – стол, стулья, кровати. Тогда я отчетливо поняла, что наша прежняя спокойная и благополучная жизнь рухнула. А впереди – неизвестность.

В ноябре 1940 года моя старшая сестра вышла замуж. Со своим мужем Исером Гольдманом она была знакома еще с гимназии. Они учились в одном классе, и любили друг друга давно. Хупу сестре сделали в таллиннской синагоге. Раввин Аба Гомер провел брачную церемонию, выдал ктубу. Потом их брак зарегистрировали в городской ратуше, это была чисто канцелярская процедура. Свадьба была у нас дома. Гостей было немного, собрались близкие друзья и родные. Это было уже советское время, поэтому нечего было и думать, чтобы снять молодым отдельную квартиру. Сестра с мужем остались жить у нас. Исер был мастером на все руки. Он занимался ювелирным делом, работал с серебром. Сестра продолжала учебу в художественном институте.

После национализации магазина брат остался работать там бухгалтером, но уже в качестве наемного работника. Труднее пришлось отцу, но в конце концов и он устроился в часовую мастерскую, которая обслуживала Краснознаменный Балтийский флот. Отец был очень хорошим часовщиком, и честным человеком, и кто-то из людей, которые его знали, рекомендовал отца на эту работу. Мама устроилась кассиром в посудный магазин, а тетя Брайне продолжала работать на кондитерской фабрике, которую тоже национализировали, забрали у семьи Гиновкер.

1939

1991

В январе 1941 года мой брат женился. У нас разница в возрасте была 13 лет, и брат всегда относился ко мне, как взрослый к ребенку, очень любил и баловал. Когда он учился в Тарту, он всегда присылал и привозил мне игрушки, подарки. Я привыкла, что брат любит меня больше всех. И когда он привез себе из Тарту жену, вернее, невесту, я была очень обижена, оскорблена – я теперь оказалась на втором месте. Жену Переца звали Симой, урожденная

Зак, а ее еврейское имя Симхо-Двойра. Она объясняла, что имя Симхо – комбинированное имя, потому что в еврейских семьях имена детям дают в честь умерших, а тогда умерли двое ее родных. Одного из них звали Симон, второе имя я не помню, но начиналось оно на Хо. Сима была моложе брата, она жива и сейчас. Хупу им делали дома, и свадьба была дома. Жили они в нашей квартире.

В квартиры к местным жителям стали подселять приезжих. Бывало и такое, что хозяев просто выселяли из их домов. Такое произошло с семьей Беркович, у которых мы снимали квартиру. Им дали сутки на выселение, и им пришлось оставить свой дом, снимать небольшой старый домик в пригороде Таллинна Nõmme. К счастью, нашу семью не тронули. Хотя у нас было 5 комнат, но нас было много: отец, мать, сестра с мужем, брат с женой, тетя, я, бабушка. Наверное, приедем не хотелось жить в такой большой семье, искали, где поспокойнее.

Отец начал болеть. Видимо, он так и не смог оправиться от переживаний. Он умер в апреле 1941 года. Я не видела отца мертвым. Мне было тогда 12 лет, и меня не пустили проститься с ним. И на похороны отца меня не взяли. Я тогда была простужена, и под этим предлогом меня оставили дома. Я только знаю, что хоронили отца по еврейскому обычаю без гроба, в саване. Тогда еще это можно было, а после войны уже не разрешали даже на еврейском кладбище хоронить без гроба.

Мама очень переживала смерть отца. Мы все были подавлены горем. Жили, как в тумане. И вот, наступил день 14 июня 1941 года, день, который перевернул жизнь нашей семьи. Вернее, это был не день, а ночь с 13 на 14 июня. В дверь позвонили, когда уже все спали. Пришли несколько мужчин, не помню, были ли они в форме НКВД или нет, сообщили, что наша семья будет депортирована, дали нам 2 часа на сборы. У этих людей были списки. Они нашли нашу семью в списках, и стали требовать, чтобы разбудили отца. Наверное, эти списки составляли заранее, во всяком случае, отец в них числился. Отца не было в живых уже два месяца, а эти люди ходили по квартире, искали его, и никак не хотели поверить, что отец умер. Как же, он же был в их списках! Ссылали три семьи: маму со мной, сестру с мужем и брата с женой. Если бы был жив отец, его отправили бы в Гулаг как эксплуататора и врага народа, а нас, членов семьи врага народа, отправляли не в Гулаг, а в ссылку. Потом уже я поняла, какое счастье для отца, что он успел умереть до этого дня. У него было большое сердце, и скорее всего, он бы умер еще в эшелоне. А если бы пережил дорогу, то страшно даже представить себе, какая мучительная одинокая смерть ждала бы его в Гулаге. Мы бы и не узнали никогда, где его могила. В Таллинне оставались только бабушка и тетя Брайне.

Конечно, за отведенное нам время мы не успели собрать все нужные вещи. Все были охвачены паникой, ужасом. То, что произошло, было совершенно неожиданно для нас. Нам очень повезло в том, что тетя Брайне приехала на какой-то полустанок, где остановился наш эшелон, и привезла много вещей, которые впоследствии оченьгодились нам. В ссылке денег мы не получали, и вещи, которые мы могли продать или обменять на продукты, были для нас единственным источником средств к существованию.

Нас привезли в закрытой машине на железнодорожную станцию. Эшелоны уже были готовы. Это были телячьи вагоны с маленькими окошками под самым потолком. Конечно, взрослые были встревожены, подавлены. А мне, как ни странно, было очень интересно. Я тогда воспринимала все происходящее как приключение. В вагоне я познакомилась с девочкой моего возраста, и мы быстро подружились. Нам было очень весело. Я не помню, кормили нас в пути, или была возможность покупать еду, во всяком случае, мы не голодали. Нас привезли в город Котельнич Кировской области. Это был перевалочный пункт, где уже распределяли по местам ссылки. Наша семья попала в город Советск Кировской

области, это примерно на полпути от Кирова до Казани, но не в сам город, а в каменоломни в 10 км от города. Там были только бараки для ссыльных и каменоломни. Условия в бараках были ужасные, поселяли по 14 человек в одну комнату. Конечно, для взрослых это было страшно, а я снова видела в этом приключение. Нам повезло в том, что брат и Изи, муж сестры, оставались с нами. Они же не были «врагами народа», а всего лишь членами семьи врага. Если бы был жив отец, его бы с нами не оставили, отправили бы в Гулаг. Кто знает, как сложилась бы судьба Переца и Изи, если бы не ссылка. Возможно, их отправили бы на фронт, и они бы погибли там. В нашей комнате барака кроме нас были еще мужчина с сыном моего возраста, женщина с сыном постарше, и еще одна женщина с дочкой. Все спали на кровати по двое, я спала с мамой. В бараке была еще одна комната, тоже на 14 человек, и еще одна комнатка поменьше. В первый же день всех взрослых отправили в каменоломни. Мужчины взрывали камень, дробили его кирками, а женщины должны были грузить эти камни на тачки и отвозить их к насыпи.

Потом через пару месяцев женщин старше 50 лет освободили от этой работы, но они должны были оставаться в поселке. Сестра и Сима продолжали работать в каменоломнях. А потом понемногу все стали перебираться в город, в Советск. Отпускали понемногу, каждый месяц по несколько человек. Советск тоже был местом ссылки, поэтому местные власти не препятствовали. Первыми переехали в Советск моя сестра с мужем. Как-то устроились, сняли комнату, и тогда мама со мной переехала в Советск. Брат был очень добросовестным и обязательным человеком, и он оставался в каменоломнях до последнего, пока все не уехали. Он говорил, что раз его послали туда на работу, значит, эта работа нужна. Наверное, больше года прошло, пока брат тоже приехал в Советск.

Мне нужно было поступать в школу. Это было очень тяжело, потому что русского языка я не знала. И учебные программы эстонских и советских школ не совпадали – у нас обучение было 12 летнее, а в СССР – 10летнее. Хотя в Эстонии я окончила 8 класс, меня приняли не в 7, а в 6 класс русской школы в Советске. В школу я пошла во втором учебном полугодии, уже после зимних каникул. Сестра, которая знала русский язык, много занималась со мной. Мы разговаривали по-русски, я писала диктанты. В общем, когда я пошла учиться, проблемы у меня были только с уроками русского языка. По математике у меня были хорошие и отличные отметки, и стихотворение выучить наизусть и рассказать я могла. А по письму были оценки «Плохо» и «Очень плохо». Я не могла запомнить правил правописания, писала, как слышала, с невероятным количеством ошибок. Летом меня перевели в 7 класс с переэкзаменовкой по русскому языку, которую я должна была сдать осенью. Только через год я уже могла писать грамотно, свободно разговаривать.

Антисемитизма в школе я не испытывала. Конечно, я выделялась среди других детей по крайней мере своим акцентом, но мне «повезло» - меня дразнили эстонкой. Наверное, мне было бы очень обидно услышать в свой адрес «Жидовка», а когда мне кричали «Эстонка, эстонка!», меня это не задевало. Одета я была так же, как все остальные дети. В Кировской области очень холодно, поэтому мы все ходили в валенках, в шапках-ушанках. Иначе просто нельзя было.

Кроме ссыльных, в Советске было много эвакуированных офицерских жен. Они получали от мужей с фронта денежные аттестаты, и жили неплохо. У нас были хлебные карточки, на

которые в магазине выдавали только хлеб, очень тяжелый и липкий. Иногда давали карточки на соль, а один раз даже выдали талоны на сахар. Это был настоящий праздник. Жили мы в основном за счет того, что меняли вещи, которые были у нас с собой, на продукты. Мама почти до смерти, пока еще могла двигаться, ходила в богатые села, и выменивала вещи. Брали их охотно – такие вещи были им в диковинку. Потом мы стали вязать на заказ кофты для офицерских жен. В Эстонии все женщины умеют вязать, и мы все умели. Заказчицы приносили нам шерсть или старые шерстяные вещи, которые мы распускали и перевязывали. Была твердая цена – за связанную кофту платили пуд картошки. Как-то ухитрились прокормиться.

Охраны у нас, ссыльных не было. Но выезжать за пределы города мы не имели права. Тем, кто имел паспорт, нужно было раз в 10 дней ходить отмечаться в местный отдел НКВД. Паспорт в СССР выдавали в 16 лет, поэтому мне не нужно было отмечаться, а остальные члены нашей семьи ходили. Брат работал бухгалтером на каком-то местном производстве, и ему нужно было ездить с финансовыми отчетами в Киров. Для каждой поездки ему нужно было получать разрешение в НКВД, потому что без разрешения его бы могли арестовать прямо в поезде. Там постоянно были проверки пассажиров.

Нас разыскали бабушка и тетя Брайне. Они уехали в эвакуацию в начале войны, жили в Татарии, недалеко от Казани в каком-то колхозе возле городе Арск. Тетя работала в колхозе, она и бабушка получали продуктовые карточки. Они же были не ссыльными, а эвакуированными. Тетя Брайне была очень бережливая, хозяйство вела экономно. Она даже ухитрилась сохранить некоторые вещи, которые повезли с собой в эвакуацию. У нас вещи не сохранились, мы все проели, что можно было. Тетя потом рассказывала нам, что эвакуироваться они не хотели, но поскольку нас сослали, то и они решили ехать. Наша ссылка спасла жизнь не только им, но и нам. Если бы нас не сослали, я очень боюсь, что мама не захотела бы расстаться с могилой отца. Ведь прошло всего два месяца после его смерти. Страх перед немцами у большинства эстонских евреев не было, гораздо сильнее был страх перед большевиками. У нас было радио, большая черная тарелка, висевшая на стене. Мы узнавали новости с фронта. Но тогда мы еще не знали, что практически все евреи, оставшиеся в Эстонии, были уничтожены. Бабушка умерла в эвакуации в 1943 году, а в 1944 году тетя Брайне переехала из Арска в Казань.

После окончания 7 класса я заболела тифом. Очевидно, у меня был брюшной тиф, а меня положили в сыпнотифозное отделение, и я там заразилась вдобавок еще и сыпным тифом. Никто не верил, что я выживу. Я выжила, но это стоило жизни моей маме. Она начала болеть, было плохо с сердцем. Меня выписали из больницы, но я была очень слабой, все время держалась температура. Сестра отвела меня к врачу, и оказалось, что у меня больны легкие. На мое счастье, в Советск был эвакуирован туберкулезный санаторий из Ленинграда, и врачи, и пациенты. Каким-то образом сестре удалось устроить меня в этот санаторий. Болезнь у меня зашла так далеко, что надежды на мое выздоровление у врачей не было. Конечно, держали меня в санатории, лечили. Несмотря на военное время, кормили там очень хорошо, ведь при туберкулезе питание – один из факторов лечения. Сестра постоянно вязала для врачей санатория, и я помогала. И снова произошло чудо, я стала выздоравливать. Потом уже, когда я была в ссылке второй раз, об этом я еще расскажу, я снова попала к этим врачам. Они водили меня по всем кабинетам, чтобы все врачи посмотрели на чудо. Врач, которая лечила меня, и постоянно повторяла мне, что я скоро выздоровею, и мы с ней пойдем на танцы, призналась мне потом, что она не верила в то, что я смогу не только выздороветь, но и просто выжить. Да и все тогда видели, что я не жилец, и тем больше радовались они, когда увидели меня живой и здоровой. Судьба помогала мне. Когда я выписалась из больницы, мне нужно было делать операцию на легких. В больнице мне делали пневмоторакс, задували воздух в грудную клетку. Образовались спайки, и они не давали воздуху проходить. Нужно было делать операцию, пережигать эти спайки. Меня послали в Киров. Там в больнице была необходимая для операции аппаратура, а хирурга не было. Мы вернулись назад. Вскоре после моего возвращения, в июне 1944 года, умерла мама. Конечно, еврейского кладбища в Советске не было. Всех ссыльных из Эстонии, независимо от их национальности, хоронили в одном месте городского кладбища. Там и маму похоронили. Уже когда я жила в Таллинне, я однажды приехала в Советск на мамину могилу. Хотела привести ее в порядок, поставить памятник. Но маминой могилы не нашла, вообще ни одной эстонской могилы. Даже в конторе кладбища не было записей о захоронении ссыльных.

После маминих похорон сестра отвезла меня к тете в Казань. В казанской больнице был хирург, но не было аппаратуры для операции. Так мне операцию и не сделали, но это оказалось к лучшему, потому что все обошлось без операции, как-то само прошло. Я осталась с тетей. В школу в Казани я не стала поступать. Тетя устроила меня на работу на автотранспортную базу ученицей бухгалтера. В конце 1944 года Таллинн был уже освобожден от немцев, и эвакуированные стали возвращаться домой. Мне уже исполнилось 16 лет, но получать паспорт в ссылке я не хотела. Тянула, чтобы приехать домой и здесь получить паспорт гражданина Эстонской Советской республики. Я была маленькой, тощенькой, и выглядела намного моложе своих лет. Так что мне удалось приехать с тетей в Эстонию без паспорта. Сестра и брат остались в Советске. Со временем сестре с мужем удалось добиться разрешения на переезд в Киров. А брат не хотел ехать в Киров, всего боялся, не хотел обращаться в НКВД за разрешением. Он с Симой прожил в Советске до 1956 года. В Советске родились трое их сыновей. Старшего, родившегося в 1947 году, назвали Нафтоле, в честь нашего отца. Второй сын Бенъямин родился в 1949 году, и третий, Авигдор – в 1954. У сестры детей не было. После работы в каменоломнях очень многие женщины остались бездетными.

Мы с тетей вернулись в Таллинн. В квартире, в которой мы прожили до ссылки, жили другие люди. Тетя через суд отвоевала комнату в этой квартире. Я жила с ней. Теперь мы жили уже в коммуналке. Я не имела права жить в Таллинне: тогда был такой закон, что нельзя поселиться там, откуда был выслан. И паспорт не могла получить в Таллинне. Вообще, получить паспорт, не имея прописки, невозможно было. Я поступила в школу, предъявив свидетельство о рождении, окончила 8й класс. Но жить без паспорта было опасно, и нужно было искать выход. В небольшом городке Марду Харьюского района под

Таллинном организовали автотранспортную базу, и им нужен был работник бухгалтерии, знакомый с автотранспортным делом. Поскольку в Казани я работала на автотранспортной базе, меня взяли на работу в Марду и прописали в общежитии автобазы. Я смогла, наконец, получить паспорт. Жила я у тети в Таллинне, и ездила на работу в Марду. Иногда, если я задерживалась на работе, ночевала в общежитии. В 1948 году тетя вышла на пенсию. Она добилась, чтобы мне разрешили жить с ней, ухаживать за престарелой родственницей. Тогда я смогла жить в Таллинне официально, не боясь проверок милиции. Прописавшись в Таллинне, я оставила работу в Марду и перешла на работу в таллиннскую автобазу.

В Таллинне тогда было много людей, вернувшихся из ссылки, особенно моих ровесников и немного старше. В 1949 году начались повторные аресты. Это не было связано с процессами космополитов, которые шли в СССР с 1948 года. По обвинению в космополитизме арестовывали только евреев, а бывших ссыльных забирали независимо от национальности. Их отправляли обратно в ссылку. Видно, решили, что слишком много таких, как я. 1949 год прошел для меня благополучно, и я успокоилась, решила, что бояться уже нечего. Но ошиблась – меня арестовали в 1950 году. Поздним вечером в марте 1950 года раздался звонок в дверь, потом нетерпеливый стук. Я открыла, на пороге стоял милиционер. Он предложил мне пройти с ним. Мне было 22 года, и меня опять охватило детское чувство – снова приключение, интересно. Хотя и страшновато было. Милиционер отвел меня в НКВД. Там какой-то военный прочел мне с бумажки, что как дочь крупного торговца и социально опасный элемент я подлежу ссылке по прежнему месту отбывания. После этого меня отправили в пересыльную тюрьму на Ласнамеа. Камера была огромная, и когда я вошла, услышала, как разные голоса называют мое имя. Присмотрелась – там множество знакомых, и тех, с кем я училась в гимназии, и тех, кого знала по ссылке. Некоторых, арестованных раньше, уже отправили в ссылку. Отправляли понемножку постоянно, а в камеру приводили новых. Как только открывалась дверь камеры, приводили нового «постояльца», раздавались приветственные возгласы, смех. Снова пришел кто-то из знакомых. Мы все были молоды, и не теряли оптимизма. Свое пребывание в пересыльной тюрьме рассматривали, как пикник – никаких бытовых условий, еда плохая, будущее неопределенное, но зато мы вместе и нам весело. Пели песни, читали стихи, разговаривали, смеялись. Я подружилась с девушкой, с которой в детстве жили в одной комнате барака в Советске, в каменоломнях. Вместе нас и отправили в пересыльную тюрьму в Ленинград. Это самое страшное мое воспоминание. Нас в строю заключенных вели к поезду, а с двух сторон на перроне стояли солдаты с автоматами в руках. Некоторые держали в руках поводки, с которых рвались, надрываясь лаем, овчарки. Это было очень страшно. Потом, в других пересылках, такого не было. А вагоны везде были одинаковые – тюремные вагоны с решетками на окнах. В пути нас кормили чем-то малосъедобным, но голодными мы не были. Нас поддерживал оптимизм, свойственный молодости.

Пересыльная тюрьма в Ленинграде была огромной. И камера, в которую нас поместили, была огромной, человек, наверное, около 100. Снова интересно, снова новые впечатления, новые знакомства. В камерах каждое утро охрана проводила переключку. Называли номер, и нужно было в ответ назвать свое имя, фамилию и статью, по которой осужден. Мы гордо говорили: «Без статьи». Из тех, кто был в этой камере, мне запомнились литовские школьники, целый класс вместе с учительницей. Их осудили за то, что они слушали передачи то ли ВВС, то ли «Голоса Америки», а в СССР это было запрещено, считалось преступлением против советской власти. Каждый из этих подростков и их учительница получили по 25 лет лагерей строгого режима, Гулага. В тюрьме они ждали отправки в лагерь. В камере они сидели тихо, и вполголоса хором пели песни. На допросы в тюрьме нас не брали. Каждый из нас уже получил свой «ярлык», и нужно было просто тихо дожидаться отправки по месту ссылки. Иногда охрана предлагала нам вымыть полы в камерах и в коридоре, а взамен обещали пустить на концерт самодеятельности. Мы охотно мыли полы, но обещанного концерта ни разу не было. Нас даже ругали, что полы плохо

вымыты. Не помню, сколько времени я провела в этой тюрьме, а оттуда меня перевели в пересыльную тюрьму в Кирове. Там я встретила со своей бывшей соученицей по гимназии, с которой была в тюрьме на Ласнамеа. Ее отправили в Киров раньше меня. Нам нужно было добраться до Советска. Сейчас с этим районом есть постоянное сообщение, а тогда можно было добраться только самолетом. Весной и осенью, когда было бездорожье и грязь, самолеты не летали, потому что взлетное поле превращалось в болото. И навигация еще не открылась. Надо было ехать поездом до Котельничей, которые были на полдороге до Советска, а дальше – как хочешь. Мы решили идти пешком и по дороге останавливать попутные машины. Я провела в тюрьмах довольно долгое время, и вещей за это время у меня собралось много. Тетя постоянно приносила мне одежду, обувь, книги. Все это было у меня с собой в чемодане и рюкзаке. Когда мы слезли с поезда и пошли пешком, я очень быстро поняла, что тащить эту тяжесть не могу. По дороге нам встретились два пешехода, которые шли в какую-то деревню. Один понес мой чемодан, второй – рюкзак. Но когда мы дошли до их деревни и устроились на ночлег, я поняла, что дальше шагу не сделаю, просто не могу. В сельсовете был телефон, и я позвонила оттуда брату в Советск. Он сообщил в Советское отделение НКВД, и они позволили мне остаться в этой деревне и ждать парохода.

Наконец, я попала в Советск. Мой брат с семьей все время жил там, и он был уже главным бухгалтером перчаточной фабрики, которая во время войны эвакуировалась из Ленинграда, а потом осталась в Советске. Устроиться на работу я нигде не могла. Я все время искала объявления «Требуются на работу...», и сразу же шла. Но когда в отделе кадров узнавали, что я ссыльная, тут же оказывалось, что это место уже занято, просто не успели снять объявление. Боялись брать на работу «социально опасный элемент», кто знает, что у этого элемента на уме. В конце концов брат среди своих знакомых нашел место на автобазе, где срочно нужен был работник бухгалтерии, и найти его не могли. Положение у них было безвыходное, и они рискнули взять меня на работу. Я думала, что буду работать и поступлю в вечернюю школу. Ведь у меня было образование всего 8 классов. Но в первый год мне пришлось очень много работать – работа была новой для меня, и нужно было многому учиться. Ведь работа для меня была тогда важнее школы. Один год пропустила, второй год, и только на третий поступила в 9 класс вечерней школы. А после окончания школы я решила учиться дальше. Я приехала сдавать документы в приемную комиссию кировского педагогического института. Паспорта у меня не было – когда я приехала, в НКВД отбирали паспорт и взамен выдавали временное удостоверение личности. Это удостоверение в комиссии у меня не приняли, сказали, что это не паспорт. Я пошла в НКВД, оттуда позвонили в приемную комиссию и велели принять у меня документы. Меня внесли в списки абитуриентов, но на экзамены я не пошла. Я понимала, что отношение ко мне будет предвзятым, и как бы хорошо я не отвечала, мне поставят плохую оценку на первом же экзамене. Приехала обратно в свой Советск. Моя подруга, которая вместе со мной училась в вечерней школе, тоже не попала в институт, она пыталась поступить в медицинский институт в Перми. Мы решили поступать в следующем году вместе. Выбрали Воронежский университет. Я хотела поступать на математический факультет, она – на биологический. Начали вместе готовиться к вступительным экзаменам. Написали в Воронежский университет, и они прислали нам анкеты и вызов на экзамены. Мне нужно было получить в НКВД разрешение на выезд в Воронеж для сдачи экзаменов. Подруга такое разрешение получила довольно быстро, а мне никак не присылали. Уже нужно было ехать – разрешения нет. Мы решили – что ж, значит, в этом году не суждено. Подруга решила ехать в отпуск. В день ее отъезда я получила долгожданное разрешение. Прибежала к ней, а она сказала, что уже настроилась на отпуск, и не хочет менять планов. Это была вторая неудачная попытка. В следующем году я снова решила поступать в вуз. Это было после смерти Сталина, и нам, ссыльным, в тот год выдали паспорта. Я получила настоящий паспорт, но очень забавный. На страничке, где ставили штамп прописки, была запись «разрешается проживание в Кировской области». Конечно, это было просто следствие безграмотности или

невнимательности паспортистки. Если бы было написано «разрешается проживание только в Кировской области», все было бы ясно. А так получалось, что мне разрешается жить везде, а еще я могу жить и в какой-то запретной зоне, в Кировской области. Благодаря этой записи у меня место проживания не было ограничено. Я могла ехать куда угодно, даже в Кировскую область! Поэтому я решила ехать в Ленинград, поступать на математический факультет ленинградского университета. Мы поехали вдвоем с подругой. Она успешно сдала вступительные экзамены на факультет биологии, и поступила, а я провалилась на экзамене по математике. Действительно провалилась, никто не занижал мне оценку нарочно. Я ведь окончила только вечернюю школу в районном центре, городке Советск. Учительница математики у нас была такая, что я ей подсказывала на уроках. И те задачи, которые нужно было решить на вступительном экзамене, я решить не могла, даже не знала, с какой стороны подойти к ним. Вернулась в Советск, набрала учебников и засела за учебу. В следующем году я успешно сдала экзамены и была принята на заочное отделение факультета математики Ленинградского университета. Тогда я переехала к моей сестре, которая жила в Кирове.

После того, как я с тетей уехала в Эстонию, моя сестра с мужем еще некоторое время прожили в Кирове. Они были молоды, энергичны, предприимчивы, и решили рискнуть. Они без разрешения уехали с места ссылки. Хотели приехать в Эстонию, но в пути их поймали и отправили в тюрьму, а оттуда – в лагерь. Только благодаря смерти Сталина они получили досрочное освобождение из лагеря, и в конце 1953 года вернулись в Киров.

Я очень надеялась, что смерть Сталина в марте 1953 года принесет нам освобождение от ссылки. Сразу после смерти Сталина Берией была объявлена амнистия, но политических заключенных и ссыльных она не коснулась. Амнистированы были только уголовники. Я постоянно писала письма Генеральному прокурору, в НКВД, в комиссию по пересмотру дел – куда я только не писала! Ничего не помогало. Писала, что была выслана ребенком, что ни в чем не виновата, но отовсюду получала стереотипный ответ: вы были высланы в 1941 году правильно. Все.

Перемены в нашу жизнь внес XX съезд партии, на котором Хрущев разоблачил культ личности Сталина, рассказал о его преступлениях. После этого жену моего брата Симу и мужа сестры Иссера реабилитировали, как невинно пострадавших из-за нашей семьи. Они могли уехать, но остались, так как брат и сестра оставались в ссылке.

Я работала и заочно училась в институте. Два раза в году мне давали отпуск на сессию, и я ездила в Ленинград. В советское время учебный отпуск оплачивало предприятие, в этом плане было хорошо. Это было единственное время, когда я общалась со своими сокурсниками. Все они были намного моложе меня. Они поступали сразу после школы, а мне пришлось пропустить много лет. Но относились ко мне очень хорошо, жили дружно, весело. В первые годы, когда я приезжала на сессию, я снимала комнату у хозяев, а потом уже мне стали предоставлять общежитие. Я не была ни комсомолкой, ни членом партии. Как-то меня на работе уговаривали вступить в комсомол, но я не хотела. Об этом даже речи не могло быть. Зачем ссыльной вступать в комсомол? Для меня это было невозможно, неприемлемо.

Тетя Брайне всю жизнь прожила с нашей семьей, кроме времени ссылки. Она была очень добрым человеком. Своей семьи у нее не было. Мы были ее семьей, ее детьми, и она любила нас самозабвенно. За время нашей ссылки тетя дважды приезжала к нам в гости. Тетины путешествия к нам в Советск – это очень забавная история. Из Кирова в Советск летали маленькие открытые самолеты, только пилот и один пассажир. Кабина была открытой, пассажир должен был надевать шлем. Когда тетя впервые взяла в руки этот шлем, внутри он

был полон вшей. Можно только представить, какой шок пережила тетя! Но даже это не заставило тетю отказаться от второй поездки к нам.

В 1958 году сестре, брату и мне сообщили, что мы можем покинуть место ссылки. Это была еще не реабилитация, ее мы получили намного позже. Но мы уже имели право уехать. Конечно, все решили вернуться в Эстонию. Сестра и брат знали, что в Таллинне им нельзя жить, но надеялись, что со временем все уладится. Я ехать не собиралась. В Эстонии меня ничего не ждало, никто не ждал. А в Кирове у меня была работа, было жилье, я училась в университете. Я сказала сестре, чтобы они ехали без меня. Помню, как вечером мы с ней вдвоем сидели и плакали. Сестра говорила мне, что она не может меня оставить одну здесь, и что из-за меня ей придется разлучиться с мужем. Я понимала, в какой ситуации она оказалась, и согласилась ехать с ними. Я поехала на сессию в Ленинград, а сестра с мужем поехали в Эстонию, взяв с собой все мои вещи. Из Ленинграда я приехала уже в Эстонию. Жить в Таллинне по-прежнему нельзя было. Сестра и брат со своими семьями поехали в городок Тоотси, недалеко от Пярну. Там жили дальние родственники Симы, и они помогли всем устроиться на работу. Я поехала в Марду, устроилась работать на автобазе. Оформили меня счетоводом. Главный бухгалтер автобазы ничего не умел, и с первого же дня я все делала за него. Потом на автобазе было сокращение штатов, и сократили одного из экономистов. Мне пришлось взять на себя еще и эту работу. Потом эту базу ликвидировали. К тому времени я уже была реабилитирована, и официально имела право жить в Таллинне. До этого я тоже жила в Таллинне у тети, но это было сопряжено с известной долей риска. Тогда же переехали в Таллинн и брат с сестрой и семьями. Я перешла работать на автобазу в Таллинне, и вскоре меня назначили начальником планового отдела. Я продолжала учиться в университете. Год учебы я потеряла в связи с отъездом из Кирова – надо было устраиваться на новом месте, много хлопот было. Вместо 6 лет я училась 7 лет. Под конец мне все это так надоело, что я даже хотела бросить учебу. А потом подумала – столько лет уже потратила на учебу, что же бросать у самого финиша, нужно окончить университет. Раз уж личная жизнь у меня не сложилась, пусть хоть образование будет. Когда я получила университетский диплом, мои родственники стали уговаривать меня, что я должна искать другую работу, связанную с моей специальностью, хватит сидеть на автобазе. Я начала поиски работы. В Таллинне есть институт математики при Эстонской Академии Наук. Меня согласились принять туда на работу, но во-первых, я заметно теряла в зарплате, а во-вторых, мне в институте сказали, что я должна учиться дальше, поступать в аспирантуру. Мне так уже надоела учеба, что я решила отказаться от этого места. Но их очень устраивало то, что я по образованию математик и работала экономистом. Они звонили мне, приглашали приходить на работу, но я все-таки не пошла. Потом уже, когда в системе автомобильного транспорта организовали вычислительный центр, я с удовольствием перешла туда работать. В вычислительном центре я проработала до пенсии. Ушла я на пенсию в 1987 году. Мне тогда было 59 лет. Наверное, я могла бы еще работать. В вычислительном центре у каждого сотрудника была своя тема. Когда моя тема закончилась, я не нашла новой темы, которая заинтересовала бы меня. Работать просто ради куска хлеба необходимости тогда у меня не было, а неинтересную работу выполнять не хотелось.

Первые годы я жила у тети. Потом я получила на автобазе квартиру, и поселилась отдельно. После возвращения из эвакуации тетя продолжала придерживаться еврейских традиций, хотя советская власть старательно боролась с этим. Конечно, кашрут мы уже не соблюдали, это почти невозможно было, и стоило очень больших денег. Мы бы с удовольствием ели кошерную пищу, но это у нас просто не получалось. Все еврейские праздники мы обязательно отмечали. В первые годы нашей жизни в Таллинне даже мацу к Песах купить негде было, и мы сами ее пекли по всем правилам. А потом уже стали привозить мацу из Риги, из Вильнюса, можно было купить. Тетя готовила еврейские блюда. Она не очень-то умела их готовить, потому что когда бабушка была жива, она никому не доверяла приготовление еды, властвовала на кухне единолично. Так что тетя частично вспоминала то,

как готовила бабушка, частично импровизировала, и получалось вкусно. Таллиннской хоральной синагоги уже не было, она сгорела в 1944 году. Был маленький молельный дом, и тетя по праздникам ходила туда. Еще мы отмечали День создания Израиля. Для нас это очень много значило, иметь свое еврейское государство, признанное всем миром. Советские праздники дома мы не отмечали. Для нас это были просто выходные дни. Правда, все работающие должны были обязательно ходить на демонстрацию в дни революционных праздников – 1 мая, 7 ноября. За явку подчиненных отвечало начальство, и не хотелось подводить людей. Мне это было нетрудно – прийти на демонстрацию, встретиться со знакомыми, прогуляться на свежем воздухе. Весело было, и мы даже шли на демонстрацию с удовольствием.

Мой брат всю жизнь проработал бухгалтером. Работал он в разных учреждениях, но везде был бухгалтером, до самого ухода на пенсию. Его жена Сима в Тоотси работала в детском саду, а после переезда в Таллинн была секретарем на заводе. Их сыновья живут в Эстонии. Все они женаты на эстонках, и евреями себя не чувствуют. Брат умер в 1992 году. Его похоронили на еврейском кладбище в Таллинне. Тогда уже была еврейская община Эстонии, и брату сделали еврейские похороны. Жена Переца Сима и сейчас жива, мы с ней общаемся. Сестра после возвращения в Таллинн не стала восстанавливаться в художественном институте. Уже поздно было продолжать учебу. Она окончила швейный техникум, и работала преподавателем в профтехучилище. Высшего образования у нее не было, и это очень заметно отражалось на ее зарплате. Сестра выбирала, на какой факультет ей пойти учиться, филологический или математический. Выбрала все же математику, и заочно окончила таллиннский педагогический институт. Она до пенсии работала в профтехучилище преподавателем математики. Ее муж Иссер был прекрасным спортсменом, и занялся спортивным воспитанием детей. Он был учителем физкультуры в школе и тренером.

В Эстонии в послевоенные годы появился антисемитизм. С его бытовыми проявлениями мне не пришлось сталкиваться. Может быть, потому, что у меня очень нейтральная внешность, я не похожа на еврейку. На государственном уровне, конечно, он проявлялся заметно. Это мне пришлось испытать на себе в советское время. Я очень любила путешествовать. В то время можно было купить путевку для поездки за границу, конечно, только в социалистические страны. Но покупкой путевки дело не ограничивалось, нужно было, чтобы твою кандидатуру утвердил райком партии, даже для беспартийных это нужно было. Я купила себе путевку в Болгарию, но меня не пустили. Когда я пришла узнать причину отказа, мне сказали, чтобы я в следующем году попробовала. Потом я узнала, что при советской власти так же, как была квота на прием студентов-евреев в вузы, была и квота на поездки евреев за границу за их собственные деньги. Второй раз такое было, когда наш начальник решил за хорошую работу наградить несколько сотрудников поездкой в Финляндию. Тогда были 3-дневные путевки. Утвердили все кандидатуры, кроме меня. Но наш начальник был очень хорошим человеком, и очень настойчивым. Он сам ходил по всяким инстанциям и добился, чтобы меня пустили в Финляндию. Это не было связано с моей ссылкой, только с национальностью. Это была политика Советского Союза.

В 1970х годах евреев начали выпускать на постоянное жительство в Израиль. Тогда никто из моих родных по разным причинам уехать не мог. Поэтому я даже не задумывалась о такой возможности для себя. Ехать одной я не хотела. Вся моя родня, самые близкие мне люди, остались бы в Таллинне. Годы были такие, что нечего было и думать о том, чтобы приехать в гости, пригласить их к себе. Даже обычная переписка могла быть опасной для тех, кто оставался в СССР. Я понимала, что если уеду – никогда в жизни больше не увижу их. Для меня это была слишком дорогая цена за свое благополучие. А когда при перестройке у нас появилась возможность путешествовать, ездить в любую страну, для меня это было уже невозможно по другой причине – денег не было. Впервые я побывала в

Израиле в 1990х годах, поехала в гости к сестре и ее мужу. Они уехали в Израиль в 1991 году, еще до независимости Эстонии. Сестра тогда очень боялась, что им не разрешат выезд, что может помешать то, что они были в ссылке. Тогда еще выехать из СССР было очень трудно, только после распада Советского Союза полегче стало. Все-таки их отпустили, и они поселились в Ашдоде. К сожалению, муж сестры Иссер почему-то никак не мог акклиматизироваться, приспособиться к израильской жаре. Он был здоровым человеком, спортсменом, а там у него начались проблемы со здоровьем. Они надеялись, что со временем он привыкнет, но время шло, а Иссеру становилось только хуже. Им пришлось через пять лет вернуться обратно в Таллинн. Наверное, и теперь многие болезни Иссера связаны именно с пребыванием в Израиле. Но тогда, благодаря тому, что они там жили, я все-таки побывала в Израиле, ездила к ним в гости. Впечатления о стране мне немножко испортило то, что денег у меня было мало, и я не смогла побывать везде, где хотела. Конечно, я много ходила по Ашдоду, любовалась городом. Потом нашла туристское агентство с недорогими экскурсиями, и объездила весь север страны. Побывала в Тель-Авиве, в Ерушалайме, в Хайфе и в Галилее. А на поездки на юг Израиля денег не хватило. Конечно, эти экскурсии оставили неизгладимое впечатление, прекрасная страна и удивительный народ ее населяет. Мне очень долго пришлось привыкать к тому, что идешь по улице – и вокруг все евреи. Потом, наконец, я осознала, что это наша страна, здесь все евреи у себя дома.

Мы с тетей часто виделись, но жили отдельно друг от друга. Я давно просила тетю переехать ко мне, но она отказывалась, не хотела быть мне в тягость. Потом ей уже стало совсем трудно одной. Когда я ушла на пенсию, мы, наконец, стали жить вместе. Тетя была чудесным человеком. Она считала меня своим ребенком, а для меня она была моей второй мамой. Я и ухаживала за ней, как за матерью. Ведь когда мама болела, я ничем не могла помочь ей, сама тогда болела и была то в одной больнице, то в другой. И тете я старалась дать то, чего не смогла дать своей маме. Тетя была очень неприхотливой, никогда не жаловалась. Я иногда говорила, что у нас чего-нибудь нет, хотела побаловать ее чем-то вкусным. А тетя говорила: хлеб есть? Есть. Масло есть? Есть. А что еще надо? Тетя Брайне умерла в один год с моим братом. Ей было почти 95 лет. Перец умер на пару месяцев раньше, но тете я не говорила об этом. Когда она спрашивала, как дела у брата, я что-то рассказывала, придумывала на ходу. Так она и не узнала, что его уже нет в живых. Тетю мы похоронили на еврейском кладбище в Таллинне. Похороны были по еврейскому обряду. Тетя никогда не говорила со мной о своих похоронах, но я знала, что она бы этого хотела. Она жила как еврейка, и похоронена как еврейка.

Когда в России начался путч, я была в ужасе. Страшно было представить себе, что могли вернуться прежние времена. Слава Б-гу, этого не произошло. Советский Союз распался, и я считаю, что это очень хорошо и правильно. Эстония обрела снова независимость. Я даже не думаю об этом событии как о личном, что это дало лично мне. Я считаю, что это было нужно всему эстонскому народу, а значит и мне. Свобода – самое главное, что есть у отдельного человека и у целой страны. Только сама страна, ее народ вправе решать, что им делать, как жить, а не выполнять то, что им приказывают. Конечно, иногда бывает не так, как хотелось бы. Иногда, когда я вижу по телевизору, как ссорятся представители разных партий в парламенте, как нападают друг на друга – это надоедает слушать. Но что делать, должно пройти какое-то время, всему надо научиться, в том числе, и научиться слышать чужое мнение.

Когда была создана еврейская община Эстонии, это было для меня большой радостью. Но в то время я не могла принять участие в ее становлении, в ее работе. У меня на руках была больная тетя, и я была нужна ей. А когда тетя умерла, я пришла в общину и попросила дать мне какое-то дело. Тогда только начинали составлять списки одиноких, нуждающихся. Я тоже участвовала в этой работе. Я тогда очень подружилась с Евгенией Гуриной, дочерью

бывшего директора нашей еврейской гимназии Самуила Гурина. Она была очень умной женщиной, знала, что она хочет и как придти к нужному результату. Работать с ней было очень приятно. Евгения давала мне какую-то работу, и я ее охотно делала. Евгения уговорила меня вступить в WIZO. Как-то она отвела меня туда, но там больше разговаривали, чем делали дело, и мне это не понравилось. Мне хотелось конкретной работы. Потом уже, когда в WIZO пришла Рита Блумберг, она снова пригласила меня. Я сказала, что если она мне работу найдет, я с удовольствием приду, а просто числиться членом WIZO я не хочу. Она обещала мне найти какую-то работу. Раз в месяц мы, бывшие ученики еврейской гимназии, приходим в нашу бывшую гимназию, теперь еврейскую общину Эстонии, собираемся вместе. Нас уже мало, и с каждым годом все меньше. Многие из тех, кто еще жив, не могут придти – болеют, не выходят из дому. В моем классе было 24 человека, это был самый большой класс в гимназии. Теперь из 24 человек нас осталось только четверо. А те, кто был по возрасту младше нас, приходят редко. То ли они мало проучились вместе, то ли не были такими дружными, как наш класс. Прихожу я в общину в дни еврейских праздников, обязательно прихожу в синагогу на 2м этаже общины в Искор, поминальный день. Читаю газету, которую издает наша община.

В последние годы я ежегодно еду по туристской путевке в какую-нибудь страну, побывала во многих странах Европы. Тем, кто был в сталинские годы репрессирован и депортирован из Эстонии, наше правительство дало прибавку к пенсии. Эти деньги я откладываю на очередную поездку. Это очень интересно. Жаль только, что такая возможность пришла ко мне так поздно. Я на жизнь не жалуясь, жалуясь только, что годы летят, и я уже не смогу путешествовать столько, сколько хотелось бы. Но пока могу – хочу увидеть побольше.